

Н.И. Ильинская

ББК Ш5(2=Р)6–4
УДК 821.161.1 : 82–141

Н. И. Ильинская
доктор филологических наук, профессор

**КОНЦЕПТ «РУССКИЙ ХРИСТОС»
В СТИХОТВОРЕНИИ А. БЛОКА
«ВОТ ОН – ХРИСТОС – В ЦЕПЯХ И РОЗАХ...»**

Ключевые слова: Русский Христос, концепт, этноспецифика, лирический герой, символика, мотив, национальное самосознание

В русской литературе начала XX века духовные универсалии составляют ее ядро. По-видимому, в этом проявляются глубинные токи национальной ментальности, о которых написано довольно много – от концептуальных обобщений Серебряного века [3, 144] до современных литературоведческих и культурологических штудий [5, 185]. Особую значимость приобретает этноспецифика бытования в русской литературе христианских мотивов и образов. Как пишет С. Аверинцев, «святыня должна быть увидена в родном ландшафте; сакральные имена должны звучать по законам местной речи и местного мелоса. Все это – норма» [1, 93]. Наиболее ярко это проявляется в рецепции образов Христа и Богородицы.

Несколько замечаний по поводу титульной категории, заявленной в названии статьи. Вслед за Ю. Степановым, под концептом понимаем сложное «культурно-ментально-языковое» образование [11, 41], в котором отражены ментально-психологические, аксиологические ориентации, закрепленные в национальном самосознании и художественном тексте. В нашем случае концепт «Русский Христос» – это конструкт, своего рода «идеальная сущность», которая охватывает названные аспекты.

Как «сгусток культуры» в «ментальном мире человека» [11, 42–43] концепт «Русский Христос» представлен в трудах русских религиозных философов (Н. Бердяев, Г. Федотов, И. Ильин, Н. Струве), в мировой славистике и культуре (О. фон Шульц, Т. Альтицер), современном литературоведении (С. Аверинцев, И. Есаулов, К. Исупов, В. Захаров, А. Любомудров, С. Семенова, Л. Киселева). Материалом исследования для названных авторов служили преимущественно духовные стихи, народные легенды и предания, устная традиция конфессиональной среды (например,

старообрядчество), романы Ф. Достоевского, поэзия конца XIX века. В русской поэзии XX века концепт «Русский Христос» практически не изучен [см. об этом: 8]. Цель настоящей статьи – выявить духовно-ментальную сущность концепта «Русский Христос», проанализировать специфику его поэтического воплощения в стихотворении А. Блока «Вот Он – Христос – в цепях и розах...».

Вполне закономерно, что наиболее стереоскопично исследуемый концепт представлен в религиозном фольклоре. Его открытие как духовного и творческого источника принадлежит Серебряному веку. В большинстве своем этот интерес русской элиты связан с ее внецерковными скитаниями, стремлением к соборности, обретению национальной идентичности, которые реализуются в поисках Русского Христа – «мистической сущности, которая объединяет всех». Вновь вернувшийся на землю Христос благословляет «народ, никак не различая их между собой. Русского Христа видят только русские люди, и только русский поэт может выразить увиденное» – так комментирует А. Эткинд этот национальный миф, у истоков которого знаменитое тютчевское «Эти бедные селенья...» [17, 114–115].

Каким же видит народная вера Иисуса Христа? Один из ответов на этот вопрос находим в фундаментальном труде Г. Федотова «Духовные стихи». В народном сознании, считает философ, образ Иисуса воплощает в себе идеалы святости: Он совершает подвиги веры, Ему присущи смирение и кротость. Тем не менее отношение к Спасителю двойственное: «Народ не хочет видеть кенозиса Христова, народ отвращает взоры от страданий распятого Господа» [14, 470]. И далее: «Ложная христология, ложный страх перед Небесным Царем убивают ростки «религии Иисуса», поскольку «народ, от всего сердца принявший от Христа закон милосердия, плохо верит в Его милосердие» [14, 471]. Иными словами, образ Русского Христа в народной религиозности амбивалентен. Один, видимый и именуемый – Небесный Царь, Податель закона и Страшный Судия. Другой, незримый, живет в именах и ликах множества героев жертвенной любви [14, 488]. Этот вывод иллюстрирует дуализм народной веры, который присущ концепту «Русский Христос».

В попытке осознать национальные характеристики русской религиозности Г. Федотов сближается с Ф. Достоевским, который фиксирует еще один парадокс народного православия: «Говорят, русский народ плохо знает Евангелие, не знает основных правил веры. Конечно так, но Христа он знает и носит его в своем сердце искони.

В этом нет никакого сомнения. Как возможно истинное представление Христа без учения о вере? Это другой вопрос. Может быть, единственная любовь народа русского есть Христос, и он любит образ его по-своему, то есть до страдания [5]. И далее писатель отмечает как константу национальной ментальности «потребность страдания», которая не покидает русского человека даже в радости [5]. Возможно поэтому, как видно из размышлений Достоевского, народной религиозности ближе Христос кенотический, нежели Христос во Славе.

Именно этот аспект концепта «Русский Христос» привлекает внимание западных славистов. Так, по мнению О. фон Шульца, «Русский Христос – это учение Христа, каким его... воспринял русский народ» [16, 40] на протяжении тысячелетней истории христианства. Изучая русскую литературу и творчество Ф. Достоевского в аспекте православия, он выделяет такие характеристики «Русского Христа», как «любовь, всепрощение, сострадание, милосердие, гостеприимство, преклонение перед божеством, раскаяние» [16, 40]. Взгляды литературоведа близки к тючевскому «мистическому натурпопулизму» (А. Эткинд) и почвенничеству: «...оторванные от родной почвы чувствуют себя чуждыми Русскому Христу и не могут отразить Его в своей жизни» [16, 41]. Аналогичные тенденции прослеживаются в работах французского русиста М.В. Лосской-Семон. Образ страдающего Русского Христа она рассматривает в ракурсе Его вечной «современности» на фоне трагической истории русского народа в ее «крутых маршрутах» [10, 28].

Интересен еще один аспект концептуализации Русского Христа – через апокалиптическое мировосприятие, воплощенное как в литературе, так и в трагической судьбе России. Западные русисты утверждают, что «единственная новейшая поэзия, которая действительно произнесла имя Христа – это русская поэзия, и из всех мыслителей новейшего времени только русские мыслители действительно познали Христа», и первый из них – Ф. Достоевский [2, 116]. Его религиозный опыт тяжелой духовной работы, перенесенные испытания открывают миру Русского Христа как Бога, «сошедшего в глубины ада» [2, 116]. По Достоевскому, единственное спасение от зла и хаоса жизни – это жалость Бога и Его любовь, которые пробуждают ответные чувства «человеков». Во время встречи человека с Богом на почве страданий «раскрывается апокалиптический Христос, полностью противоположный Космократору или Христу во Славе, Христос, который действительно нищ и одинок и тело которого – страдающее человечество» [2, 114]. Знаменательно

суждение исследователя об апокалиптическом характере блоковского образа Христа. Действительно, в поэме «Двенадцать» апокалипсис воплотился не только в разрушении старого мира, но и в насильственном уничтожении истории, в разгулявшейся стихийности и пассионарности «широкого русского человека» (Ф. Достоевский).

Таким образом, проведенный анализ позволяет выделить следующие аспекты концепта «Русский Христос»: вероисповедные (Христос кенотический и справедливый Судья); аксиологические (народные идеалы жертвенности, праведности и милосердия); апокалиптические (гибель страшного мира как искупительное событие, предполагающее сораспятие и Воскресение со Христом).

Концепт «Русский Христос» представлен в стихотворении А. Блока «Вот Он – Христос – в цепях и розах...». Стихотворение малоизучено, тем не менее удостоилось противоречивых мнений. Одни исследователи, отмечая смирение и кротость Агнца Божьего, видят в нем Русского Христа [2, 114]. Другие усматривают в зачине стихотворения «неприятную фальшь» – «привкус розенкрейцерства», а «нищий Христос» «выступает на фоне нищей Руси почти как символ небытия» [14, 547]. Третьи считают, что образ Христа в стихотворении можно толковать различно, «но общий контекст образной системы Блока заставляет склониться к мысли о пантеистическом звучании приведенных строк» [7, V, 251]. Бесспорно, во всех суждениях есть зерно истины, однако ни в одном из исследований не проводился текстуальный анализ стихотворения. Отдельные наблюдения касательно иконографии образа Иисуса в этом произведении содержатся в статье В. Лепяхина «Иконы и лампы в поэзии Александра Блока» [9].

Стихотворение «Вот Он – Христос – в цепях и розах» входит в сборник и цикл с одинаковым названием – «Нечаянная радость» (1906). Зная о других значениях этого образа-символа у Блока, воспользуемся интерпретационным кодом интермедийного прочтения поэтического текста через призму иконописной традиции как сугубо национальной.

Известно, что «Нечаянная радость» – название «акафистной» чудотворной иконы Божьей матери, ее поясное изображение с Младенцем Иисусом. Характерный момент, сближающий художественные структуры иконографического и поэтического текста Блока – композиционный прием «икона в иконе». Именно так, по принципу «сюжетного включения иконы внутрь происходящего действия, построена «Нечаянная радость». Здесь обычно представлен коленопреклоненный человек, молящийся перед образом Богородицы

Одигитрии, давшей ему нравственное прозрение и исцеление» [18, 98]. В стихотворении А. Блока также речь идет о духовном преобразении человека, увидевшего Его Лик. То есть, объединяет оба текста не сюжетное сходство, а сакральное действие: созерцание иконы, ситуация Богопознания. Под влиянием мистического общения с Искупителем, переживания Страстей Господних (их знаки – стигматы младенца Иисуса, цепи на Христе), человек приобщается к тайне. В результате синергийной с Богом духовной работы начинается его восхождение с Господом, умалившимся до «зрака раба». И это, безусловно, Русский Христос.

Следует подчеркнуть двуплановость художественного пространства в стихотворении А. Блока. Во внутреннем пространстве – «за решеткой» своей «тюрьмы» находится лирический герой. Символика «тюрьмы», «окна тюрьмы» может быть прочитана в гностическом ключе как материальный мир, в котором заперта душа поэта. (В скобках заметим, что употребление этого образа-символа в поэтическом мире Блока не единичное. Например, в «Осенней воле»: «Кто взманил меня на путь знакомый / Усмехнулся мне в окно тюрьмы»?)). Внешнее пространство – трансцендентное: из глубины небес взирает на пленника Агнец Кроткий: «Лик и синее небо – одно». Происходит характерное для символистской «поэтики соответствий» сближение горнего и дольнего.

Границей между внутренним и внешним пространством, то есть двумя реальностями, выступает окно. В народной традиции окна нередко воспринимались как путь для чего-то святого, чистого [15, 388]. Окно в символическом значении сближается с определением иконы как окна в духовный мир [12, 46]. Граница прозрачна, она как бы присутствует и отсутствует одновременно. Ее особенность состоит в том, что каждая ее точка принадлежит одновременно двум сферам – сакральной и обыденной, а сама она из разделяющей превращается в разделяюще-объединяющую, в медиатора. Пребывание на такой границе носит характер амбивалентного состояния «присутствия-отсутствия», «реального-ирреального», то есть возникает характерная для символизма ситуация двойного бытия лирического героя.

В поэтическом тексте А. Блока взаимоотношение внутреннего и внешнего пространства опровергает традиционную оппозицию «свой / чужой». Более того, внешнее положительно маркировано как сакральное пространство «храма», изоморфное Богу и Вечности. Динамика переживаний лирического героя – от зрительного восприятия образа Христа к Его духовному постижению

в окружающей природе как иконе Бога. «Окладом» становится печальная русская природа.

По разъяснению А. Блока, свой «религиозный экфрасис» (Л. Геллер) он создает под влиянием картины М. Нестерова «Видение отроку Варфоломею». Вот как писал об этом сам художник: «Как-то с террасы абрамцевского дома моим глазам неожиданно представилась такая русская-русская красота: слева лесные холмы, под ними извивается аксаковская Воря, там где-то розовеют дали, вьется дымок, а ближе – капустные, малахитовые огороды. Справа золотистая роща...» [4, I, 483]. Сравним с пейзажем у У Блока:

На пригорке лежит огород капустный,
И березки и елки бегут в овраг [4, I, 370].

Суть однако не в детальном сходстве, хотя и оно имеет значение, а в общей атмосфере. Святыня увидена поэтом «в родном ландшафте», и это Русский Христос. Явление «Агнца Кроткого в белых ризах», грустного, как «скудная» природа, заставляет вспомнить национального Христа. В стихотворении Блока «мерцает» тютчевский мотив царя небесного, исходившего «в рабском виде» родную землю, что подчеркивается бедным убранством иконы – ее «простым окладом», написанным «убогим художником». Возможно, по аналогии с иконой Спас Ярое Око А. Блок называет свою «синее Око». Однако в отличие от Христа Вседержителя его Иисус «трости надломленной не переломит и льна курящегося не угасит» [Ис. 42:3; Мф. 12:20]. Представленные А. Блоком ценностные характеристики Русского Христа укоренены как в народном религиозном сознании, так и у Ф. Достоевского. Они ассоциируются с крестом, кротостью, искупительными страданиями Спасителя.

Довольно лаконичная колористика концепта «Русский Христос» также сориентирована на национальные сакральные тона – белый и синий. В системе византийско-христианской символики синий цвет передает Божественное начало, непостижимость тайны, глубину откровения. Лик Христа и небеса у Блока сливаются в единое целое, символизируя тайну запредельного. Белый цвет, наиболее близкий по семантике золоту, выражает Божественность, чистоту, непорочность и жертвенность. Из множества его значений Блок выбирает кротость и жертвенность. Несмотря на то, что белый – простой цвет, он символизирует светоносность, родство с божественным светом: «Бог есть свет» (1Ин. 1:5). Все это воплощает

в себе «Единый, светлый», украшенный розами в соответствии с «канонами» простонародной эстетики.

Вырваться из «гюрьмы» и достичь небес, к которым влечет лирического героя его душа, можно лишь при условии обретения пути: «пока не станешь сам, как стезя» (евангельская аллюзия «Я есмь путь и истина и жизнь» – Ион. 14:6). Уподобление Христу, как это видится А. Блоку, может осуществиться лишь в результате кенотического самоопустошения, полнейшего отказа от «эго», смирения. Поэт акцентирует высокий статус опрошения, нестяжательства, характерный также для народной христологии. Например, в духовном стихе о Вознесении воспроизведена апокрифическая прощальная беседа Христа с учениками, прославляющая нищенство [13, 368].

Последний катрен отмечен особенной религиозно-мистической напряженностью, вызванной стремлением лирического героя к единению с Абсолютом. Текст включает важнейшие для понимания христологии А. Блока апокалиптические мотивы умирания и Воскресения для будущей жизни. Путь зерна – единственно возможный для идущего за Спасителем: «Пока такой же нищий не будешь, / Не ляжешь, истоптан, в глухой овраг, / Обо всем не забудешь и всего не разлюбишь, / И не поблекнешь, как мертвый знак». Мистерия смерти Иисуса дарит надежду на Воскресение, и в этом пасхальном архетипе русской духовности также проявляется национальное своеобразие концепта «Русский Христос» в поэзии А. Блока.

Литература

1. Аверинцев, С. Праздник слез / С. Аверинцев // Родина. – 1990. – № 3. – С. 93–95.
2. Альтицер, Т. Россия и апокалипсис / Т. Альтицер // Вопросы философии. – 1996. – № 7. – С. 110–125.
3. Бердяев, Н. А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века / Н. А. Бердяев // О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского Зарубежья. – М.: Наука, 1990. – С. 43–272.
4. Блок, А. Собр. соч.: в 6 т. / А. Блок / Сост. и примеч. Вл. Орлова. – Л.: Худож. лит., 1982 – 1983. – Т. 1. – 512 с.
5. Гройс, Б. Искусство утопии / Б. Гройс – М.: Художественный журнал, 2003. – 319 с.
6. Достоевский, Ф. Дневник писателя 1873 года / Ф. Достоевский // [Электронный ресурс] Режим доступа: http://az.lib.ru/d/dostoevskij_f_m/text_0470.shtml

7. Дунаев, М. М. Православие и русская литература: в 6 ч. – Изд. 2-ое, испр. и доп. / М. М. Дунаев. – М.: Христианская литература, 2001–2003. – Т. V. – 780 с.
8. Ильинская, Н. И. Религиозно-философские искания в русской поэтической традиции рубежей XX века : специфика сознания, концептосфера, типология : Монография / Н. И. Ильинская – Херсон: Айлант, 2005. – 468 с.
9. Лепехин, В. Иконы и лампы в поэзии Александра Блока / В. Лепехин // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.portal-slovo.ru/art/36151.php>
10. Лосская-Семон, М. В. О религиозном призвании русской литературы / М. В. Лосская-Семон // Вестник Санкт-Петербургского университета. – Сер. 2. Вып. 2. (№ 9). – СПб., 1993. – С. 27–34.
11. Степанов, Ю. С. Константы : словарь русской культуры / Ю. С. Степанов – М.: Академический проект, 2001. – 990 с.
12. Трубецкой, Е. Н. Три очерка о русской иконе : Умозрение в красках. Два мира в древнерусской иконописи. Россия в ее иконе / Е. Н. Трубецкой. – М.: ИнфоАрт, 1991. – 112 с.
13. Федотов, Г. П. Духовные стихи / Г. П. Федотов // Федотов Г. П. Святые Древней Руси: Сост. и вступ. ст. А. С. Филоненко. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. – С. 355–506.
14. Федотов, Г. П. На поле Куликовом / Г. П. Федотов // Федотов Г. П. Святые Древней Руси: Сост. и вступ. ст. А. С. Филоненко. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. – С. 533–568.
15. Шапарова, Н. С. Краткая энциклопедия славянской мифологии : Около 1000 статей / Н. С. Шапарова. – М.: ООО. «Издательство АСТ»: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Русские словари», 2001. – 624 с.
16. Шульц, фон О. Русский Христос / О. фон Шульц // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков : цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр. Сб. научных трудов. – Вып. 2. – Петрозаводск, 1998. – С. 31–41.
17. Эткинд, А. Хлыст (Секты. Литература и революция) / А. Эткинд. – М.: Новое литературное обозрение, 1998. – 688 с.
18. Языкова, И. К. Богословие иконы (учебное пособие) / И. К. Языкова. – М.: Издательство Общедоступного Православного университета, 1995. – 221 с.

Н.И. Ильинская

THE CONCEPT “RUSSIAN CHRIST” IN THE POEM
“VOT ON – HRISTOS – V TSEPYAH I ROZAH...” BY A. BLOK

N. I. Illyinskaya

Abstract

The spiritual and mental essence of the concept “Russian Christ” is studied in the article, its religious, axiological and apocalyptic components are marked out. The specificity of its poetical realization in the poem “Vot on – Hristos – v tsepyah i rozah...” by A. Blok is considered. The axiological characteristics of the Russian Christ are proved to be connected with national ideas of the meek and submissive God. The concept “Russian Christ” is realized in spatio-temporal structure of the poem, in motifs of a lyrical hero’s likening to Christ, in apocalyptic motifs of dying and Resurrection, in symbolic images of the path, the gospel grain of wheat, the icon, in colour symbolism, in Russian landscape, and in the gospel reminiscences.

Key words: Russian Christ, Concept, Ethnic Specificity, Lyrical Hero, Symbolism, Motif, National Self-consciousness